

Топливо-сырьевая ориентация российской экономики как ограничитель ее устойчивого роста

Капканициков С.Г.

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Ульяновского государственного университета

В статье осуществляется критический разбор стратегических дефектов сложившейся в современной России модели «экономики сырьевого государства». На основании анализа закономерностей эволюции современного мирового хозяйства приводятся аргументы, опровергающие тезис о возможности обеспечить в рамках данной модели устойчивый экономический рост. Проводится сравнительный анализ народнохозяйственных функций топливно-энергетического комплекса в предреформенный период и в современных условиях. Фиксируется факт интенсивного развития в недрах отечественной экономики так называемой «голландской болезни», состоящей в сочетании подлинного расцвета топливно-сырьевого сектора при нарастающей деградации целого ряда ее обрабатывающих отраслей. Обосновывается острая необходимость формирования в нашей стране «экономики, основанной на знаниях», обусловленная сохранением в ней и по сей день масштабного человеческого потенциала и мощных научно-технических заделов.

Прямым результатом избранного в 90-е гг. XX века варианта социально-экономического развития явилось обострение в России - как в свое время и в Мексике, Норвегии, Латинской Америке, Индонезии и целом ряде других стран - противоречия между двумя серьезно обособившимися группами отраслей: экспортоориентированным «валютным укладом» (выпускающим сегодня, прежде всего, продукцию топливно-энергетического, сырьевого и металлургического комплексов) и отраслями, жестко ориентированными на внутренний рынок (сельское хозяйство, легкая промышленность, строительство, машиностроение и другие наукоемкие отрасли), производящими товары с высокой добавленной стоимостью. В ходе рыночной трансформации отраслевая структура российской экономики и товарное наполнение экспорта кардинальным образом ухудшились даже по сравнению с ее состоянием в советский период, оказались утраченными позитивные ориентиры национальной структурной политики.

В то время как даже в таких странах, как Израиль, Корея свыше 50% экспорта занимают сегодня наукоемкие продукты, российский экспорт все более скатывается на сугубо сырьевые позиции: 2/3 экспортных поступлений обеспечивают предприятия нефтегазового комплекса. Доля, безусловно, доминирующих добывающих отраслей в ВВП неуклонно увеличивается, а в составе сужающегося внутренне-ориентированного уклада - сохранившихся обрабатывающих отраслей - вырос удельный вес промежуточной продукции (полуфабрикатов, комплектующих изделий) при адекватном сокращении доли машин и оборудования и трехкратном уменьшении доли непродовольственных товаров народного потребления. Отечественная обрабатывающая промышленность нацеливается на производство энергоемкой продукции - стали, алюминия, никеля, удобрений и т.п., - что в обстановке углубляющегося в энергетической отрасли инвестиционного кризиса делает дальнейшее расширение ее выпуска крайне

маловероятным. За годы рыночных реформ в стране не строятся нефтеперерабатывающие заводы, и неуклонно нарастающий коэффициент физического износа этих предприятий довольно скоро поставит под сомнение сам факт их существования. Поэтому удельный вес четко сориентированных на экспорт отраслей топливно-энергетического комплекса (все более создающих к тому же продукцию с крайне малой долей добавленной стоимости) в объеме промышленного производства, увеличившийся с 20% в 1990 г. до 30% в 1998 г., будет, скорее всего, и дальше повышаться, как и производства древесины, черных, цветных и драгоценных металлов. Так, доля нефти в объеме российского экспорта увеличилась с 32,1% в 2004 г. до 34,6% в 2005 г. – в то время как удельный вес несырьевой продукции не доходит ныне даже до рубежа в 15%. Изменение структуры экспорта отражено в следующей таблице:

Годы	2001	2003	2005
Топливо-энергетические товары	54,8	57,8	64,3
Металлы и изделия из них	14,7	13,8	14,2
Машины, оборудование и транспортные средства	10,2	8,5	5,3

И в случае продолжения тенденции к формированию все менее диверсифицированной структуры ВВП и экспорта стихийно протекающая структурная перестройка российской экономики неизбежно примет характер деиндустриализации, угрожающей утратой национального научно-технического потенциала и упадком высокотехнологичных производств.

Известно, что в советской экономике народнохозяйственная функция топливно-энергетического комплекса состояла в сглаживании макроструктурных диспропорций:

а) в дореформенный период в цены на топливо и сырье обычно не включалась природная рента, поскольку господствовал идеологический стереотип о создании стоимости товаров исключительно трудом – в то время как задействованные при их производстве природные ресурсы получали нулевую оценку. За счет занижения внутренних цен на энергоносители как конкурентного

преимущества нашей страны компенсировались естественный недостаток, обусловленный суровым климатом, а также технологическая отсталость многих конечных отраслей, что позволяло им получать прибыль, достаточную для развития;

б) за счет «размена» топливного экспорта на импорт качественного производственного оборудования и поступающих в страну «нефтедолларов» укреплялись материальные и финансовые предпосылки масштабных внутренних инвестиций, что позволило обратить благоприятную конъюнктуру мировых цен на нефть в строительство Байкало-Амурской магистрали и других грандиозных проектов XX века. Причем наращивание экспорта нефти и нефтепродуктов протекало без видимого ущерба для удовлетворения внутренних потребностей отечественных предприятий в этом стратегическом сырье.

Теперь же, наоборот, относительная стабильность добычи энергоресурсов в нашей стране достигается за счет превращения ТЭК из «донора» в «вампира», ускоренное развитие которого обеспечивается:

а) перераспределением в его пользу через механизм несбалансированной инфляции значительной части добавленной стоимости, создаваемой в отраслях обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства. При этом в кризисные 90-е гг. четко выстраивалась некая закономерность: чем сложнее продукт по своему техническому уровню, тем более быстрыми темпами происходило сокращение объема его производства по сравнению с дореформенным уровнем;

б) вынужденного сокращения внутреннего потребления энергоносителей из-за целенаправленного переключения их на экспорт. К тому же стихийно нарастающий экспорт стал основным источником конкурирующего импорта, который в конце XX века усиливал общеэкономический спад в нашей стране, а в начале XXI века приводит к деградации структуры ее экономики.

Если в цены большинства потребительских товаров в советской экономике дополнительно включался налог с оборота, то ценообразование в сфере инвестиционных благ опиралось на формулу «средние издержки

плюс нормальная прибыль». Данное обстоятельство существенно сужало сферу распространения монопольно высоких цен и делало продукцию инвестиционного сектора, в стоимости которой природная рента не находила отражения, доступной для ее потребителей. Это, безусловно, препятствовало адекватному отражению подлинной ценности природных богатств, порождало хронический дефицит и дестимулировало их рациональное использование. Однако такая недооценка топлива и сырья, порождающая «волны» заниженных цен, прокатывающиеся по всей производственной системе, объективно исключала массовое присвоение рентных доходов добывающими отраслями. Это создавало привилегированные условия хозяйствования в отраслях обрабатывающей промышленности, расширяя их представительство в структуре ВВП за счет нарастания нормы накопления и чистых инвестиций.

Последовавшая в 1992 г. либерализация цен, возвратив монопольные цены в экономическую систему российского общества, создала условия для адекватного отражения в цене стоимости ограниченных природных ресурсов. А в ходе приватизационной компании владельцы природоэксплуатирующих объектов получили реальную возможность присваивать преобладающую часть рентных доходов и направлять их в собственное развитие. Нынешнее финансовое положение российских нефтяных компаний напоминает ситуацию, сохранявшуюся в мировой нефтяной индустрии до 70-х гг. XX века, когда функционирующие здесь транснациональные корпорации, объединившиеся в картель, присваивали огромные рентные доходы. Однако если в большинстве стран третьего мира нефтяная отрасль в дальнейшем была национализирована и рента начала мощным потоком поступать в бюджеты этих стран, то в современной России и по сей день на экспортоориентированный (рентный) сектор приходится три четверти валовой прибыли промышленности и инвестиций в основной капитал.

Неуклонный рост доли сырьевого и топливно-энергетического комплексов означает, что в России к настоящему времени фактически сформировалась так называемая

«экономика сырьевого государства». И эта хорошо знакомая хозяйственной практике модель имеет, к сожалению, чрезвычайно серьезные изъяны. К их числу относятся наличие в стране сильно коррумпированного государственного аппарата, неэффективных и все более отстающих в технологическом плане обрабатывающих отраслей, функционирующих в частном секторе, а также бедности основной массы населения. К тому же известно, что страна, экспортирующая продукцию отраслей добывающих, способна устойчиво функционировать в таком режиме только в случае высокой эффективности топливно-энергетического комплекса по критериям мирового рынка. Между тем по основным показателям (капиталоемкость, уровень текущих издержек, обеспеченность разведанными запасами, условия транспортировки) российский ТЭК серьезно уступает своим мировым конкурентам. Это, правда, не относится к газовой отрасли. На 1 января 2000 г. разведанные (и доказанные) запасы природного газа в нашей стране составляли 48.2 трлн. куб.м. При нынешней среднегодовой добыче (заметно сократившейся с 1991 г., что уменьшило долю РФ с 30 до 22%) в 600 млрд. куб. м. этого ценнейшего топлива нам должно хватить на 80 лет. И даже в случае дальнейшего нарастания экспорта газа – в связи с неуклонно нарастающим мировым спросом на него – Россия едва ли может столкнуться здесь с ценовой войной с другими поставщиками энергоносителей, тем более что в последнее время правительствами стран-экспортеров газа ведутся разговоры о целесообразности создания газового картеля по типу ОПЕК. А вот по ключевым параметрам нефтедобычи Россия гораздо ближе к добывающим странам, ориентированным на использование этого стратегического сырья на внутреннем рынке, нежели к странам-экспортерам нефти. Ведь известно, что, хотя удельный вес РФ в мировом ВВП не превышает ныне 2,5%, ее доля в потреблении энергии заметно выше и составляет 6%, это свидетельствует не только о крайне непростых территориально-климатических условиях хозяйствования в нашей стране, но и об ее непозволительно высокой энергоемкости. К тому же затраты на добычу

и транспортировку нефти в Ханты-Мансийском национальном округе в 7-8 раз выше, чем в странах Персидского залива: топливо, поставляемое в европейские страны, приходится перегонять по трубам, проложенным через зоны вечной мерзлоты, топи и болота. По величине доказанных запасов нефти (около 10 млрд т.) РФ занимает лишь седьмое место в мире, отставая от Саудовской Аравии, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ и Венесуэлы. И даже если исходить из оптимистических оценок, основанных на засекречивании, при которых Россия все же выходит на второе место, то следует учитывать, что преобладающая часть нефтяных ресурсов расположена в крайне неблагоприятных регионах, в то время как коммерчески выгодные запасы российской нефти скорее всего истощатся - в том числе из-за хищнической их эксплуатации и общеизвестного несовершенства налогообложения добычи полезных ископаемых, обрекающего «нефтянку» на реализацию стратегии «снятия сливок» - приблизительно в 2015-2017 гг., когда построенная в последние годы нефтяная ловушка мнимого благополучия оглушительно захлопнется и отсечет основную часть населения нашей страны от многих нынешних, ставших привычными благ цивилизации. И тогда даже в случае сохранения относительно высоких мировых цен на энергоносители, скорее всего, сложится достаточно противоречивая ситуация, при которой нефть «можно добывать, можно продавать - разбогатеть нельзя».

Да и в гораздо менее отдаленной перспективе нельзя исключать возможности серьезного падения мировых цен на нефть, что неизбежно оказало бы негативное влияние на финансовую систему России. Вообще, страны с «большой нефтью» отличаются несравненно большей цикличностью своей хозяйственной эволюции, фазы которой отчетливо совпадают с перепадами объективно нестабильных, непредсказуемых нефтяных цен. И если в периоды повышательной ценовой динамики в инвестиционных планах правительства вполне могут появиться излишне амбициозные, неэффективные проекты (типа поворота сибирских рек или строительства туннеля между Чукоткой и Аляской), то при

низкой конъюнктуре мировых энергетических рынков властям приходится смириться с серьезным оголением доходной (а значит, и расходной) части государственного бюджета. Неслучайно в интересах противодействия угрозе подобной дестабилизации отечественной экономики в 2004 г. был создан Стабилизационный фонд Российской Федерации. Он формируется за счет дополнительных экспортных пошлин, которые собираются при мировых ценах на нефть сверх определенного уровня (называемого «ценой отсечения» и составляющей ныне 27 долл. за баррель), а также части налога на добычу полезных ископаемых [8]. В Стабфонде аккумулируется и ряд других сверхплановых доходов бюджета (образующих ныне его профицит) – за исключением поступлений в виде единого социального налога, который направляется на выплату базовой части трудовой пенсии и поступает в распоряжение Пенсионного фонда РФ. На 1 марта 2007 г. величина Стабилизационного фонда, пополняемого еще и сверхплановым профицитом федерального бюджета, превысила 2,7 трлн. руб. (то есть свыше 100 млрд. долл.), причем перспективы его дальнейшего раздувания выглядят весьма благоприятными (уже к осени его величина превысила 3,5 трлн. руб.). Так, по оценке Всемирного банка - впрочем, явно завышенной - к 2030 г. он может достичь при нынешних темпах своего роста величины в 2,3 трлн. долл. И сама необходимость держать в резерве столь масштабные финансовые ресурсы (не допуская их активного участия в решении хозяйственных задач тактического и стратегического характера) – в интересах ослабления зависимости национальной экономики от внешнеэкономической конъюнктуры – делает сложившуюся в России модель «сырьевого государства» чрезвычайно уязвимой и сдерживающей потенциально возможный ныне экономический рост нашей страны.

Усиление значимости сектора минеральных ресурсов в российской экономике (и в структуре создаваемого в ней валового внутреннего продукта) интенсифицирует проявление в ней очевидных симптомов так называемой «голландской болезни», под которой понимается жесткая «зависимость экономики

от конъюнктуры мировых рынков минерального сырья» [4]. «Голландская болезнь» - это спад производства в обрабатывающих отраслях национальной экономики, происходящий в результате открытия новых источников природных богатств и, соответственно, стремительного наращивания прибыльности ее добывающих отраслей, перемещения сюда производственных ресурсов. Подобная ситуация индустриальной деградации сложилась, в частности, в Голландии, бурный рост экономики которой обозначился в 60-е гг. в связи с эксплуатацией газовых месторождений в Северном море. Добывая газ и поставляя его в соседнюю Германию во времена переживаемого последней экономического «чуда», Голландия оказалась включенной в этот промышленный бум. Открытие и разработка богатых месторождений газа и, как результат, присвоение значительного объема природной ренты (немалая часть которой «осела» в государственном бюджете) привели к стремительному росту ВВП и уровня жизни населения. Однако через некоторое время взрывной рост газовой индустрии обернулся спадом производства в целом ряде обрабатывающих отраслей, увеличением безработицы в сочетании с ускорением инфляции издержек. Сходные последствия для испанской экономики в XVII веке имел приток драгоценных металлов из Америки, для экономики Австралии в XIX веке – открытие в данной стране золотых месторождений, а также для казахстанской экономики в XXI веке взлет мировых цен на экспортируемое ею топливо и сырье – неуклонно разрушающий в ней аграрный сектор и отрасли обрабатывающей промышленности.

В аналогичной ситуации деиндустриализации оказывается в настоящее время и Российская Федерация, в которой ускоренное развитие ориентированного на внешний рынок сырьевого «валютного уклада» сочетается с прогрессирующей деградацией, инвестиционным голодом, утратой конкурентоспособности большинства отраслей, нацеленных на удовлетворение внутренних потребностей отечественных домохозяйств и фирм. По утверждению А. Кудрина, отечественная экономика стоит сегодня перед угрозой «ресурсного проклятья», описанного в литературе

на основе опыта добывающих сырьевые ресурсы стран [7]. Причем тяжесть симптомов проявляющейся в нашей стране «голландской болезни» вытекает не столько из наличия в ней крупнейших природных богатств, сколько из особенностей ценообразования на первичные ресурсы, сложившихся в условиях дореформенной плановой экономики. Искусственное удержание цен материальных ресурсов на низком уровне не могло не вызвать их взрывного роста в постлиберализационный период, что мгновенно обнаружило чудовищные различия в уровне эффективности между добывающим и обрабатывающим секторами отечественной экономики, а также высветило крайне неблагоприятные климатические условия, в которых зачастую функционирует последний. К тому же в годы хозяйственного оживления в РФ под влиянием расширяющегося инвестиционного спроса, прежде всего, со стороны топливно-энергетического, металлургического комплексов наблюдается неуклонное нарастание импорта машин и оборудования, что приводит к потерям национального рынка машиностроительной продукции – еще большим, нежели они были в кризисный период. И если к этим отягощающим обстоятельствам примешивается еще и фактор быстрого укрепления реального курса рубля, то подавляющее большинство предприятий, функционирующих в конечных отраслях, оказываются попросту неконкурентоспособными.

В результате, обеспечивая – в обстановке рекордных мировых цен на нефть и газ – относительно высокие темпы роста ВВП, золотовалютных резервов и доходов государственного бюджета, РФ выпала из десятки крупнейших индустриальных держав мира, и удельный вес обрабатывающей промышленности в ее отраслевой структуре неуклонно приближается к тем параметрам, которые типичны для стран слабоиндустриальных. Накопленный в обрабатывающих отраслях значительный производственный потенциал ни в малейшей степени не соответствует проявляющейся здесь деловой активности российских предпринимателей, неуклонно покидающих данную наиболее рискованную сферу приложения капитала. И это неудивительно,

ведь норма прибыли в экспортоориентированном секторе составляла, например, в 2001 г. 27-32%, в то время как во внутреннеориентированном – всего 6-8% [3]. За прошедшие годы в условиях беспрецедентного повышения мировых цен на топливо и сырье тяжесть положения даже усугубилась. В I квартале 2006 г. прибыль отечественного металлургического комплекса составила 117,9 млрд руб., в то время как в комплексе машиностроительном она оказалась на отметке в 15,2 млрд руб., в результате чего рентабельность по металлургии была 31,6% (в черной – 24,5%, в цветной – 46,7%), в то время как в машиностроении – всего 6,6% [5]. И эти разительные отличия в прибыльности тех или иных отраслей до сих пор не устранены сформированными в РФ механизмами налогообложения. Конечно, в США рост цен на нефть тоже обеспечивает сверхприбыль нефтепользователей. Однако после уплаты налогов рентабельность в добывающей промышленности оказывается даже ниже, чем в недобывающей. Выравнивание нормы прибыли в странах с рыночной экономикой становится и результатом стихийного перелива капиталов между отраслями в условиях, когда государство своими решительными действиями противостоит монополизации соответствующих рынков. В нашей же стране стихийно-рыночный механизм межотраслевого перелива капиталов сформироваться попросту не может – причем не только из-за объясняемых монополизацией гигантских различий в рентабельности, но и вследствие сохраняющейся и поныне неразвитости финансового рынка. «Голландская болезнь» как проявление четкой топливно-сырьевой ориентации российской экономики явилась прямым результатом избыточной рентабельности добывающих отраслей (возникшей из-за существенного разрыва между внутренними и мировыми ценами на сырье) – в комбинации с отсутствием четкого механизма изъятия и перераспределения создаваемой здесь экспортной и природной ренты в пользу приоритетных обрабатывающих отраслей и последовательной диверсификации национального хозяйства.

Дальнейшее обострение «голландской болезни» под натиском избыточного притока

«нефтедолларов» (как результата серьезного улучшения состояния торгового баланса и форсированных – примерно в 10 раз превышающих по скорости своего нарастания темпы роста ВВП – заимствований российских компаний и банков у нерезидентов) может привести к практически полному исчезновению отраслей российской обрабатывающей промышленности, способных производить торгуемые, то есть конкурентоспособные на мировом рынке виды продукции. Это не могло не отразиться на кардинальных сдвигах в интеллектуальном потенциале россиян, который только за период 1989-1997 гг. снизился с 0,71 до 0,47 (а сегодня упал и вовсе до 0,37). К тому же, получая на мировых рынках масштабную валютную выручку и поднимая равновесный обменный курс рубля, экспортеры сырья и энергоресурсов создают серьезные проблемы для конкурентоспособности не только других экспортных отраслей, но и большинства отраслей, работающих на внутренний рынок. Данные трудности сопряжены с повышением номинального курса рубля, а также – особенно быстро – его реального курса, то есть уровня внутренних цен сравнительно с ценами в странах-торговых партнерах РФ. В то время как в топливно-энергетическом комплексе быстро растет уровень оплаты труда (что закономерно поднимает заработную плату и в других отраслях российской экономики, особенно не вовлеченных во внешнюю торговлю, и тем самым – через расширение спроса – тянет объем их производства вверх), в секторах, выпускающих торгуемые товары (то есть работающих преимущественно на внешних рынках), такое укрепление рубля создает труднопреодолимые преграды. Это касается, прежде всего, отраслей, не относящихся к ресурсному сектору, которые в подобных условиях неотвратимо сталкиваются с ожесточенной конкуренцией со стороны зарубежных фирм и вынуждены любой ценой сокращать свои издержки производства – в том числе путем урезания заработной платы или заметного отставания ее динамики от темпов роста производительности труда. В противном случае экспортные возможности отечественных предприятий неуклонно сокращаются, а в

нашу страну к тому же начинают интенсивно приходить товары потребительского и инвестиционного назначения, которые вытесняют с внутрироссийского рынка отечественную продукцию с достаточно высокой степенью обработки, превращая многих из ее производителей в кандидатов на банкротство. А поскольку валовой внутренний продукт, как известно, включает в свой состав только сумму добавленных резидентами данной страны стоимостей, постольку получается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация, когда богатые нефтью и другими сырьевыми ресурсами страны (например, Иран, Венесуэла, Ирак, Кувейт) демонстрируют на длительных временных интервалах гораздо менее впечатляющие среднегодовые темпы экономического роста по сравнению со странами, обделенными природой, но оказавшимися способными компенсировать свою ресурсную ущемленность ускоренным развитием обрабатывающей промышленности в целом и, особенно, ее высокотехнологичных отраслей (примером здесь могут считаться Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань). В последних и уровень занятости обычно оказывается значительно выше, коль скоро здесь способны успешно развиваться гораздо более трудоемкие (сравнительно с топливно-энергетическим комплексом) отрасли, и не столь острой является необходимость ограничивать фонд заработной платы для противодействия росту издержек, а значит, и нарастающего притока импортных товаров.

Как доказывает накопленный к настоящему времени мировой опыт, многие нефтеэкспортирующие страны обрекают свою экономику в длительной перспективе не только на жесткую зависимость ее от конъюнктуры мирового рынка топлива и сырья, но и неизбежно проигрывают в конкурентной борьбе странам, сориентированным на закупки топлива за границей. И действительно, однобокая ориентация на наращивание экспорта топлива и сырья серьезно тормозит развертывание научно-технического прогресса в нашей стране. По мере разрушения наукоемких, высокотехнологичных производств без работы, а значит без средств к существованию остаются многие квалифицированные

работники, в подготовку которых ранее были вложены немалые средства. Это вызывает чудовищную «утечку мозгов», которая может быть как внешней, связанной с эмиграцией ученых и специалистов, так и гораздо более масштабной внутренней. В последнем случае деинтеллектуализация российского общества проявляется либо в вынужденной смене людьми своей специальности (с утратой квалификации, но с приобретением достойного заработка), либо в ухудшении качества трудовой деятельности на своем прежнем рабочем месте: неустанный поиск дополнительных источников дохода означает фактический уход опытных специалистов из сферы производства знаний. Что же касается молодых людей, то у многих из них в подобной обстановке утрачиваются стимулы к выбору высокоинтеллектуальной профессии.

По мере сокращения затрат на НИОКР и оттока талантливых специалистов за границу (а также в сырьевые и другие отрасли с более высокой оплатой труда) стране приходилось лишь пассивно потреблять результаты НТП, генерируемые за рубежом, уплачивая при покупке продукции зарубежного высокотехнологичного комплекса огромную технологическую ренту. Причем весьма символично, что расширение импорта дорогостоящей машиностроительной продукции зачастую преследует цель всего лишь дальнейшего наращивания добычи топлива и сырья. И неизбежное в таком случае удорожание компонентов отечественного экспорта делает его еще менее эффективным – тем более в обстановке неуклонно повышающегося обменного курса рубля. Развивая преимущественно капиталоемкие отрасли добывающей промышленности, начиная осваивать все более отдаленные от центра районы, Россия, как и другие страны с экспортоориентированной «сырьевой моделью», объективно сталкивается с ростом капитальных и текущих затрат на выполнение своей «исторической миссии» обеспечения развитых стран стратегическим сырьем. Эволюционируя в жестких рамках модели «сырьевого государства», российская экономика оказывается в определяющей зависимости от динамики мировых цен на нефть, которые, будучи объективно крайне

неустойчивыми, обрекают нашу страну на нестабильность ее финансового состояния и инвестиционной привлекательности во всей обозримой перспективе. Так, в первой половине 1998 г. – в условиях быстрого снижения нефтяных цен – практически все государственные нефтеэкспортеры оказались перед необходимостью резкого сокращения своих расходов до уровня, адекватного заметно сжавшимся бюджетным доходам. Совершив такое «секвестирование» своего бюджета четыре раза, правительство Венесуэлы сразу столкнулось с мощным комплексом негативных социально-экономических проблем. Проведенные специалистами Мирового банка расчеты показывают, что при сложившейся к настоящему времени структуре российской экономики падение мировых цен на нефть (Brent) до уровня 18 долл. за баррель ограничит возможности экономического роста в нашей стране верхним пределом 2% в год [1]. Подобные темпы никак не могут устроить российское общество, постольку фактически безальтернативной является сегодня переориентация национального хозяйства в направлении сокращения удельного веса сырьевых отраслей и формирования его диверсифицированной структуры. Тем более что подверженность российской экономики «голландской болезни» влечет за собой не только стремительное истощение потенциала импортозамещения, но и оказывает остро негативное влияние на сами экспорториентированные сектора, объективно заинтересованные в постепенном ослаблении (пропорционально темпам внутренней инфляции) рубля.

Помимо негативных последствий для функционирования отраслей, выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости, изобилие неожиданно резко подорожавших на мировом рынке природных ресурсов может сыграть «злую шутку» для нашей страны и в других аспектах. Высокие мировые цены на нефть чрезвычайно затрудняют сам переход к рыночной экономике, делая не столь безальтернативным дальнейшее развертывание необходимых для этого реформ. К тому же опрометчивые надежды властей на «золотой дождь» нефтедолларов приводят к наращиванию – даже с опереже-

нием их поступления в страну – правительственных расходов с адекватным сжатием доли частного сектора в структуре отношений собственности.

Таким образом, при выработке целевого ориентира российской структурной политики следует учитывать, что абсолютно необходимый сегодня нашей стране устойчивый экономический рост темпом 5-7% в год принципиально невозможен при ее движении в рамках «экономики сырьевого государства». Сохранение в будущем топливно-сырьевой ориентации отечественной экономики не только не приблизит Россию к странам «большой семерки», представляющей собой достаточно замкнутый круг договаривающихся партнеров, которые держат в своих руках весь остальной мир и направляют его хозяйственное развитие в русло своих долгосрочных интересов. Наша страна в этом случае не сможет примкнуть даже к немалочисленной группе государств-саттелитов, формально независимых, но фактически подчиненных более сильным государствам первой группы, безропотно исполняющих их волевые решения, но в целом довольных качеством своей жизни (Испания, Австрия, Швеция, Австралия и др.). Удел России при ее движении в рамках модели «сырьевого государства» - стать в конце концов страной «третьего мира», тенденции эволюции которой задаются извне, развивающей те отрасли и сферы хозяйства, которые первые две группы стран поддерживать по каким-либо причинам (из-за их чрезмерной природоемкости, ресурсорасточительности, например) не желают. Неслучайно в разработанном Национальным Советом по разведке США среднесрочном (на ближайшие 15 лет) прогнозе перспективы России усматриваются в закреплении за ней «статуса» сырьевого придатка мировой экономики [6].

Поэтому интересы сохранения России в числе относительно независимых субъектов мирового хозяйства диктуют необходимость смены ныне сохраняющейся модели на ту из их перечня, которая обеспечивала бы преимущественный рост производства продукции с высокой добавленной стоимостью, неуклонное повышение эффективности использования сохранившегося природного, физического

и человеческого капитала. Даже в начале XXI века, после масштабного экономического кризиса, Россия по уровню национального богатства в расчете на душу населения (400 тыс. долларов) сохраняет за собой 3 место в мире – после США и Японии [9]. При этом главным компонентом богатства нашей страны является не только и даже не столько природный капитал (составляющий, по оценке С. Валентей и Л. Нестерова, 160 тыс. долл. на каждого россиянина [2]), сколько – накопленный человеческий капитал (оцениваемый в 200 тыс. долл.). По данным швейцарского института Бери, ежегодно производящего расчет качества рабочей силы, Россия и сегодня находится по этому показателю в середине второй десятки из 49 обладающих значительным кадровым потенциалом стран, имея 53 балла по 100-балльной шкале. Столь масштабный человеческий потенциал отечественной экономической системы, огромные интеллектуальные возможности ее субъектов и сегодня позволяют серьезно диверсифицировать национальную экономику за счет решительного отхода от сугубо сырьевой ориентации производства и экспорта. В противовес экономике, основанной на эксплуатации природных ресурсов, в Российской Федерации должна быть сформирована модель «экономики, основанной на знаниях», характерная для развитых стран современного мира. Сознательное построение именно такой хозяйственной системы, способной обеспечить

устойчивый экономический рост, выступает, на наш взгляд, целевым ориентиром российской рыночной трансформации.

Литература:

1. Безруков, В. Оценка динамики народного хозяйства и прогноза 2005 г. / В. Безруков, Б. Сафронов, Б. Мельников // Экономист.- 2004.- № 11.- С.56.
2. Валентей, С. Человеческий капитал: новые измерители и новые ориентиры / С. Валентей, Л. Нестеров // Вопросы экономики.- 1999.- № 2.- С.101.
3. Государственное регулирование инвестиций. М.: Наука, 2000.- С.17.
4. Забелина, О. Российская специфика «голландской болезни» / О. Забелина // Вопросы экономики.- 2004.- № 11.- С.60
5. Задачи и решения (к итогам первого полугодия) // Экономист.- 2006.- № 8.- С.8.
6. Козырева, А. Неоконченная пьеса для технического правительства / А. Козырева // Финансовый контроль.- 2005.- № 3.- С.14.
7. Повышение устойчивости финансовой системы страны – важное направление деятельности Минфина России // Финансы.- 2006.- № 5.- С. 6.
8. Саватюнин, А.Л. Стабилизационный фонд: формирование и использование / А.Л. Саватюнин // Финансы.- 2004.- № 12.- С.3.
9. Экономический альманах. Экономический факультет МГК им. М.В. Ломоносова.- 2000.- № 1.- С. 321.

